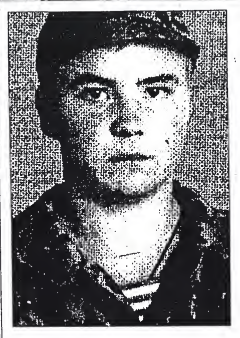

Жене Родионову 23 мая 1996 года исполнилось 19 лет. Ему не будет ни двадцати, ни тридцати. У него не родится сын, ему уже никогда не суждено нянчить внуков. В день своего девятнадцатилетия Женя погиб. Православный воин-мученик был обезглавлен в чеченском плену.

Евгений мог сохранить свою жизнь. И родить детей, и воспитывать внуков. За такое естественное для каждого человека будущее мучители требовали от него, по их понятиям, совсем немногого - сменить православную веру на мусульманство и снять с себя нательный крест. Но смог бы он жить после такого греха?

ЗА ВЕРУ ХРИСТОВУ ЖИЗНЬ СВОЮ ПОЛОЖИВШИЙ

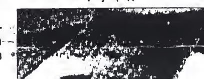
Их захватили в плен у селения Галашки на чечено-ингушской границе. Женю и еще троих солдат, всего полгода прослуживших в армии и только месяц назад прибывших на эту заставу. Их одних, без сопровождения командиров, отправили на блок-пост. К посту подъехала машина скорой помощи, пограничники вышли проверить, что находится внутри. Как выяснилось, в автомобиле перевозили оружие. Из «скорой помощи» выскочили боевики. С глазу на глаз оказались вооруженные до зубов сорокалетние, побывавшие на войне мужики, уже прошедшие через не один бой, и безусые неопытные мальчишки. Силы были неравны. Бандиты схватили солдатиков, затолкали в машину. Так начался мученический путь четырех русских парней из числа многих и многих сотен ребят, *томящихся в плену.*

А в подмосковный поселок Курилово, где живет мама Евгения Родионова, прилетела телеграмма. ей на этом, кажется, бесконечном пути по кругам земного ада. И отзывчивых, добрых людей, проявлявших участие в поисках сына, и тех нелюдей, кто словом или поступками добивал истерзанную страданиями мать.

Любовь Васильевна раздала около семи десятков ксерокопий с фотографий сына - только через посредников из числа чеченцев можно было напасть на след Евгения. Она не знала тогда, что находится неподалеку от него - всего в семи *километрах. А если бы* знала, конечно же, пошла бы, нет, побежала туда, чтобы спасти его, вырвать из рук мучителей.

время бомбежки, то был застрелен при попытке сбежать из плена. Не выдержав расспросов этой худенькой, с заплаканными скорбными глазами и с почерневшим лицом женщины, рассказал правду. Русскому парню, ее сыну, был предложен выбор: погибнуть или сменить веру. Он выбрал первое. И крест, что был на его груди, ни за что не захотел снимать, как его не мучили.

Она знала цену предательства.

известной надписью «Груз 200» взял направление на Бамут. Ни у кого из пятерых находившихся в машине не было уверенности, что они вернутся обратно живыми.

«Это где-то здесь», - посредник указал квадрат размером 100 на 100 метров. Опавшие листья уже щедро засыпали землю, найти расстрелянных воинов казалось просто невозможным. Копать решили с самого утра - непродолжительный осенний день давал все же надежду отыскать тело погибших ребят. Но чеченцы не допустили саперов к указанному месту, потребовав сначала разминировать пойму реки.

маленький крестик. Тот самый, с которым ее мальчик ушел на войну...

В Ростове, куда Л. В. Родионова перевезла тела всех четырех убиенных воинов, она побыла недолго. Через неделю снова поехала назад, разыскала того самого посредника. «Верни голову сына. Мне не отдают в госпитале его тело без головы, - соврала она. - Ты же взял с меня деньги, а договор нарушил». Тот принес русской матери голову ее ребенка...

Уже много недель спустя, после того как Любовь Васильевна перевезла тело Жени домой, похоронила его по христианскому обычаю,

числа многих и многих сотен ребят, *томящихся в плену.*

А в подмосковный поселок Курилово, где живет мама Евгения Родионова, прилетела телеграмма. Любовь Васильевна не могла поверить - ее сын, говорилось в сообщении, покинул расположение части. И тогда она не мешкая сама поехала к месту его службы. Здесь все и выяснилось. Евгений никакой не дезертир, он не изменил воинской присяге. Женя находится в плену, и каждая минута его пребывания в руках бандитов опасна для ее мальчика.

И еще одну простую и одновременно страшную истину узнала здесь мать солдата: никто не спасет ее сына, не вытащит из плена, кроме нее самой.

Любовь Васильевна вступила на свой крестный путь. Десять месяцев шла она по нему, разыскивая своего сына. Ей говорили, что Женю встречали в отдаленном высокогорном ауле, и мать спешила туда. Оттуда ее направляли совсем в другое место, и Любовь Васильевна не медля отправлялась по новому адресу. Она совершала переходы от отчаяния к надежде, то, как она думала, находя следы своего мальчика, то снова теряя их.

Женя, как выяснилось позже, все время находился в Бамуте.

Любовь Васильевна помнит каждую гору, каждый аул, встретившиеся на ее долгом пути мытарств и скорбей. Она обошла около семидесяти населенных пунктов. Ее избивали прикладами, отправляли на минные поля, где якобы находилась могила ее сына, стреляли за ее спиной.

Она помнит всех, кто попадался неподалеку от него - всего в семи километрах. А если бы знала, конечно же, пошла бы, нет, побежала туда, чтобы спасти его, вырвать из рук мучителей.

Женю казнили в Бамуте 23 мая, в самый день его рождения. Мать узнала об этом лишь в сентябре. В ауле Гельдыген чеченцы устраивали скачки на лошадях - это их любимое развлечение. Любовь Васильевна отправилась в Гельдыген - здесь можно встретить посредников со всех аулов, нельзя упускать возможность услышать хоть какую-то весточку о пропавшем сыне. В толпе ее отыскал немолодой чеченец, протянул сложенный пополам листок с фотографией Жени. «Твой сын погиб, ищи его в Бамуте», - сообщил он. Потом подошел еще один, и еще... Восемь раз пришлось ей выслушать в этот день страшную весть, восемь фотографий держала в руках отчаявшаяся мать к концу праздника, который устроили шумные и довольные собой боевики.

Только тогда она поверила, что ее Жени уже нет в живых. Она возвращалась в Ханкалу ночью, в полной темноте, и уже не плакала, а только уговаривала судьбу: «Пусть кто-нибудь выстрелит в меня. Я упаду, и мне уже не будет так больно». В этот день ушла из нее надежда...

Спустя четыре месяца после смерти Жени Любовь Васильевна встретилась с убийцей своего сына. Зовут его Русланом Хайхороевым. Расспрашивала она его дотошно, надеясь узнать подробности о последних минутах своего сына. Бандит врал, выдумывал разные истории: то Женя будто бы погиб во

Сколько историй слышала о тех, кто соглашался на жестокие требования боевиков, вступал в их стаю. Обратной дороги не было - предателя заставляли истязать своих сослуживцев, расстреливать бывших товарищей. Она встречала матерей тех самых солдат, изменивших воинской присяге, высохших и почерневших от горя. «Лучше бы мой сын не родился», - твердила одна из них. Палач отказался показать, где захоронен Женя, - ставил то одно, то другое условие. И даже за мертвого, убитого им же парня этот нечеловек требовал от несчастной матери денег. У чеченских боевиков существовали свои расценки: за живых и за мертвых, за рядовых и офицеров. Размер выкупа исчислялся тысячами долларов.

Через несколько дней Любовь Васильевна встретилась с очередным посредником. Он отыскал ее сам, пообещал показать место, где зарыто тело. Чеченец потребовал половину той суммы, которую запросил Руслан Хайхороев.

В помощь Л. В. Родионовой дали двух саперов, медбрата и водителя. Автомобиль «Урал» с печально надежду отыскать тело погибших ребят. Но чеченцы не допустили саперов к указанному месту, потребовали сначала разминировать пойму реки. Когда это было сделано, пришлось очищать от мин дорогу, что вела к тому квадрату, который указал посредник. Затем настала очередь еще девяти дворов...

День подходил к концу. В шесть часов вечера к группе поиска подъехала черная «Волга». Прибыли новые бандиты с новым требованием: срочно освободить из назранской тюрьмы трех их товарищей. Пока шли переговоры, начало темнеть. Любовь Васильевна поняла: завтра боевики будут ставить все новые и новые условия. Она попросила саперов начать раскопки. При свете зажженных фар «Урала» солдаты стали искать тела погибших. Сколько раз к сердцу подбиралось отчаяние: а вдруг не найдем, неужели мой сынок так и останется лежать неприкаянным в этой чужой земле? Но ребята исследовали каждый метр указанного квадрата, внимательно вглядываясь в траву, ладонями ощупывали каменистую почву. «Господи, - молилась мать, - помоги мне. Ну кто его найдет, кроме меня, кто похоронит тело моего сына...».

Три дуба растут у подножия горы. Под ними выкопали солдаты тела трех юношей и еще одного неподалеку. Два из них были обезглавлены. «Крестик, крестик», - закричал кто-то из воинов. На груди одного из погибших ребят под расстегнутой камуфляжной формой увидела Любовь Васильевна ее ребенка...

Уже много недель спустя, после того как Любовь Васильевна перевезла тело Жени домой, похоронила его по христианскому обычаю, она, приходя на могилу сына и вглядываясь в его фотографию, задает себе одни и те же вопросы: что давало ее мальчику силы выдержать нечеловеческие испытания, которые выпали ему, что укрепляло, что поддерживало в нем стойкость, что помогало ему сохранить мужество в последние минуты жизни, не предать страну, не посрамить их род?

Невозможное человеку возможно Богу. Сам Господь, верим мы, стоял рядом с православным русским воином, давал ее сыну силы нести до самой мученической кончины свой Крест. А еще укрепляла Женю Родионова та любовь, которую с самого детства щедро дарила ему мать.

Тот маленький крестик, который двумя руками прижимал к груди ее сын, этот символ победы христианства над силами зла, распятие, к которому ее мальчик обращал свою последнюю молитву, Любовь Васильевна передала в московский храм Святителя Николая в Пыжах, что на Ордынке.

После воскресной литургии его выносят из алтаря и вместе с другими святынями кладут на аналой в середине храма, чтобы православные верующие могли приложиться к этому непоколебимому оружию победы, которое свято хранил воинмученик, русский юноша Евгений Родионов.

А. ХЛУДЕНЦОВ.

